

Осип Дымов. «Вспомнилось, захотелось рассказать...»
(Из мемуарного и эпистолярного наследия): В 2-х томах.
Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem;
Center of Slavic Languages and Literatures, 2011

В Центре славянских языков и литератур Еврейского университета в Иерусалиме под ред. В. Хазана увидел свет двухтомник воспоминаний и писем изначально русского, а позднее еврейского писателя Осипа Дымова «Вспомнилось, захотелось рассказать...» Без преувеличения можно сказать, что выход этой книги представляет собой знаменательное событие как для славистов, так и для специалистов, занимающихся историей еврейской (идиш) и русско-еврейской культурой.

Осип Исидорович Дымов (наст. фам.: Перельман) родился в 1878 году в Белостоке, входившем тогда в состав Российской империи. Приехав в конце XIX века в Петербург и поступив там в Лесной институт, он становится со временем одним из популярнейших русских прозаиков и драматургов. Редким образом сочетая в себе способность к разным формам художественного творчества, он с одинаковым успехом работал в несходных жанрах — от тонкой лирической миниатюры до острого сатирического рассказа, от социально-психологической драмы до романного описания «современных нравов». Кроме того, Дымов являлся в те времена одним из ведущих русских журналистов — плодовитым литературным критиком и рецензентом. Охватить весь объем написанного им в российские годы не представляется возможным. Печатаясь под разными псевдонимами (Каин, Скорпион, Ното sapiens и др.), он создал тысячи самых разнообразных текстов, добившись наряду с многочисленным их количеством по-настоящему высоких литературных результатов: его сборник рассказов «Солнцеворот» (1905) или пьеса «Ню» (1907) вызвали сочувственную критику у самых взыскательных и изощренных читателей-современников.

Однако на вершине широкой писательской популярности и успеха Дымов, в 1913 году, покинул Россию и перебрался в Америку. Поначалу казалось, что его «творческая командировка» (официальной целью отъезда была постановка его драмы «Вечный странник» в Нью-Йорке) продлится недолго, но в эмиграции Дымов «задержался» на всю жизнь.

В Америке он, оставаясь русским литератором, переходит на идиш и становится «параллельно» еврейским прозаиком и драматургом. Новый круг его жизни повторяет то, что случилось с ним в России — он достигает подлинной славы и популярности, но теперь уже как еврейский писатель, успешно и плодотворно работая до смерти, которая наступила в 1959 году.

В годы Второй мировой войны Дымов пишет ставшие широко известными в еврейском (идишском) мире воспоминания «Vos ikh gedenk» (То, что я помню), в которых рассказывает о своей жизни в России, о русском Серебряном веке, о знакомстве и дружбе со многими русскими писателями, журналистами, деятелями искусства. Главной темой этих воспоминаний является история евреев России, их судьбы на стыке двух столетий. На фоне многих других мемуаров, посвященных тому же историческому периоду или связанных с аналогичной проблематикой, свидетельства памяти Дымова можно во многом признать уникальными, включающими в себя информацию высокого эксклюзивного характера. Переведенные на русский язык (перевод М. Лемстера) и включенные в 1-й том вышедшего в свет двухтомника «Вспомнилось, захотелось рассказать...», эти воспоминания становятся доступными для русскоязычного читателя — как для специалиста, так и для всех, кто живо интересуется вопросами истории русской и еврейской культуры.

Воспоминания «То, что я помню» состоят из двух томов и охватывают время от рождения автора до 1905 года. Перед читателем проходят картины становления Дымова как человека и как писателя — его детство в родном Белостоке, ранняя смерть отца, учеба в реальном училище, первые романтические влюбленности («душисто пахнущее счастье»), зуд, сочинительства, который охватил Осипа-подростка (первый рассказ юного писателя был опубликован в московском журнале «Вокруг света», когда автору едва минуло 14 лет). Вспоминая детские и юношеские годы, Дымов делает многочисленные любопытные зарисовки своих

земляков: помимо самих по себе крайне живописных описаний провинциального Белостока, основное население которого в те годы составляли евреи, мемуарист рассказывает о тех, кто со временем займет место в русской и даже советской истории: знаменитая Мария Вильбушевич, которую он знал еще ребенком, в будущем сблизится с одним из главных действующих лиц русского сыска полковником С. В. Зубатовым, начальником московской охранки, создателем теории «полицейского социализма», а Моше Валах станет Максимом Литвиновым, сталинским министром иностранных дел...

Особый интерес представляет та часть дымовских воспоминаний, где идет речь о годах, проведенных в Петербурге. Будучи связан родственными узами с Яковом Эрлихом, талантливым философом и композитором, учеником Н. А. Римского-Корсакова, чья жизнь оборвалась в молодом возрасте, Дымов оказался в кругу петербургской творческой молодежи. Так, через Эрлиха он был, например, знаком с начинающим композитором Иваном Покровским или философом Семеном-Соломоном Грузенбергом, младшим братом известного адвоката О. О. Грузенберга. Благодаря тому же Эрлиху близко знал некоторых поэтов-символистов, в частности, Александра Добролюбова, поначалу блистательного петербургского студента-«белоподкладочника», поэта, эрудита и полиглота, ушедшего затем «в народ» и ставшего Божьим странником. Добролюбову, судьба которого продолжает до сегодняшнего дня занимать историков поэзии русского символизма, посвящено в мемуарах Дымова немало места. Наряду с известными сведениями Дымов сообщает нечто такое, что, кроме него, рассказать никто бы не мог. Например о том, как после своих странствий по России Добролюбов на время появился в Петербурге, в доме дымовских родственников Штемберов (здесь же присутствовал и Эрлих) и, ограничившись — как ни упрашивали его хозяева отужинать — хлебной коркой и стаканом теплой воды вместо чая, провел ночь на полу, подстелив под себя собственный зипун, а на утро, пока все спали, вновь ушел странствовать.

Помимо Александра, Дымов хорошо знал его сестру Марию, кого современники — от Д. Мережковского до А. Вольнского — воспринимали как «русскую мадонну» и чья жизненная история причудливо и таинственно переплелась с трагическими судьба-

ми влюбленных в нее Якова Эрлиха и поэта Леонида Семенова, одного из близких дымовских приятелей. В одной из глав «То, что я помню» рассказывается о том, как Мария Добролюбова, Дымов и писатель С. И. Гусев-Оренбургский были назначены распределять деньги между семьями рабочих, ставших жертвами расстрела мирной манифестации 9 января 1905 года («кровавое воскресенье»). В воспоминаниях крайне интересно переплетаются исторические события с текущим бытом, и это переплетение создает неповторимый «эффект присутствия» в давно миновавшем прошлом.

Пожалуй, наиболее ценными в историко-литературном отношении являются те главы мемуаров Дымова, где он — от первого лица участника и свидетеля — рассказывает об «исторических фактах», коснувшихся его непосредственно. Например, о возникновении литературного кружка «Содружество» (1905), куда помимо него входили Н. Минский, Л. Вилькина, С. Маковский, Л. Семенов, С. Рафалович, Л. Галич (Габрилович), Н. Рерих и др. Или о сотрудниках самого крупного российского театрального журнала «Театр и искусство», выходившего под редакцией талантливого критика А. Кутеля и в котором Дымов печатался систематически, а в начале своей журналистско-писательской карьеры даже исполнял обязанности секретаря. К этому кругу воспоминаний примыкает рассказы мемуариста о первом знакомстве с крупнейшими русскими писателями и поэтами — Леонидом Андреевым, Иваном Буниным, Валерием Брюсовым, Андреем Белым...

Особо следует выделить описание Дымовым своего сотрудничества в одной из влиятельнейших российских газет — «Биржевых ведомостях», в которых он занимал должность помощника А. А. Измайлова, возглавлявшего отдел литературной и театральной критики. Перед читателем проходят фигуры тех, кто делал эту газету и тем самым играл не последнюю роль в социально-политической и культурной жизни России: издателя С. Проппера, «передовика» Б. Бурдеса, редакторов И. Ясинского и В. Бонди...

Лейтмотивной нитью, на которую нанизаны мемуарные рассказы Дымова, является соединение в них русского и еврейского. Это придает им особый колорит, рождает весьма любопытные культурные узоры и синтезы. Сам Дымов, оставаясь евреем, который не поддавался искушению креститься и тем са-

мым облегчить свое существование в российской столице, выступает как своего рода «бытописатель» одной из самых острых проблем, которая стояла перед евреями, жившими в России, — проблемой крещения. Трудно назвать другие воспоминания, где бы причудливые формы, которые подчас принимала эта проблема, были бы изложены с такой выразительностью и потрясающей силой.

В дымовском «То, что я помню» есть эпизод, где рассказывается о христианской пасхе, празднуемой в доме крещеного еврея С. Проппера, издателя санкт-петербургских «Биржевых ведомостей» (прошу у читателя прощения за пространную цитату, однако сам эпизод и стиль его подачи того заслушивают):

Христианские праздники, к примеру, пасху или рождество, евреи Петербурга отмечали вместе с христианами. В квартире Проппера ставили большую елку, обвешенную подарками. Обычно приглашались все сотрудники «Биржевки», помимо тех, кого Проппер не особенно жаловал (он им платил — чего их еще жаловать?). Приходили также певцы, актеры и вообще всякие известные личности, в основном, насколько это было возможно, — христиане, поскольку наш издатель считал себя стопроцентным христианином и о еврействе знать ничего не хотел. Разумеется, никто не воспринимал его «христианство» всерьез: могло ли быть иначе в отношении человека, который говорил на таком ужасном русском языке и имел такой горбатый, как у попугая, нос! Но его это волновало мало. Как-то раз после небольшой стычки, когда я предупредил его о своем уходе из газеты, он сказал мне:

— Как вам сказать при этом, господин «Дымнов» (его вечная ошибка), вы можете уходить, но вам будет тяжело возвращаться, потому, что, как вам сказать при этом, у меня нет желания увеличивать число моих сотрудников-евреев.

Это звучало столь комично, что я не мог удержаться от смеха, — и остался в газете.

Христианскую пасху в его доме отмечали столь же пышно, но это уже был праздник не господина Проппера, а госпожи Проппер.

Я был приглашен ею к богатому пасхальному столу вместе с другими гостями. Среди прочих присутствовал и мой друг Бурдес. Он ел калач, уплетал крашеные яйца, получал удовольствие от творожной пасхи и при этом шептал мне:

— Это ли не настоящий позор праздновать православную Пасху и при этом не уметь правильно выговаривать ни едино-

го русского слова? Посмотрите только на нее, на эту выкрестку, которая сидит с золотым крестом на груди!..

Госпожа Проппер, урожденная Лаская, на самом деле носила золотой крест, как его носят церковные служители. Гости — евреи, а христиане в особенности, — делали вид, что этого не замечают. Но недалекая Флора (настоящее ее имя, наверное, было Фейга (!)) Мартыновна каждую минуту поправляла крест, будто он был предназначен для какой-то игры. Я ясно расслышал, как она с гордостью сказала, обращаясь к одному из гостей:

— Скушайте кусочек пасхи. Графиня Тизенгаузен говорит, что моя пасха самая вкусная во всем Петербурге!

Бурдес не выдержал. Кусок калача застрял у него в горле, он поперхнулся, да так сильно, что раскашлялся и был вынужден выйти из-за стола. Сказанная госпожой Проппер фраза стала популярной в городе. Годами позже мне приходилось не раз слышать, как кто-то, смеясь, повторял: «Моя пасха самая вкусная во всем Петербурге!»

Из всех гримас, которые претерпела еврейская религия, благодаря извращенному отношению к ней русского начальства, эта была в особенности отталкивающей и наиболее бесчеловечной, почти сатанинской.

Во 2-й том, который носит название «В дружеском и творческом кругу Дымова», включены другие многочисленные мемуарные тексты, которые не вошли в книгу «То, что я помню». Здесь же публикуется его переписка с выдающимися деятелями русской и мировой культуры. Достаточно назвать только некоторые имена, составлявшие дымовский *milieu*, чтобы представить, с одной стороны, широкие бытовые и творческие связи этого писателя, а с другой — контекстное разнообразие рецензируемого издания: Л. Андреев, К. Бальмонт, А. Блок, И. Бунин, Ф. Ведекин, А. Волынский, Е. Гуро, А. Дункан, Н. Евреинов, Б. Зайцев, А. Измайлов, А. Керенский, А. Кугель, А. Куприн, С. Маковский, В. Мейерхольд, Вл. Немирович-Данченко, П. Потемкин, С. Рахманинов, М. Рейнгардт, Л. Собинов, Ф. Сологуб, А. Толстой, С. Уточкин, М. Фокин, С. Цвейг, М. Чехов, К. Чуковский, Ф. Шляпин, А. Эйнштейн — названы, повторяем, далеко не все имена (заметим, что один только именной указатель занимает в книге почти 40 страниц).

Книга открывается подробной вступительной статьей В. Хазана «Миры и маски Осипа Дымова» (Материалы к биографии

писателя)», в которой прослеживается творческий путь Дымова от рождения до смерти. Без всякого сомнения, это наиболее полный биографический очерк писателя, в котором учтены, как кажется, все известные на сегодняшний день сведения о нем.

Оба тома обеспечены тщательнейшим комментарием, в котором читатель почерпнет обильную информацию связанную с самим Дымовым, а также с его далеко незаурядными воспоминаниями и корреспонденцией. В приложении к изданию даются очерки современников о Дымове, приводятся рисунки-шаржи, (принадлежащие как ему самому, так и на него) и редкие фотографии. Особо следует подчеркнуть, что многочисленные материалы, включенные в книгу, представляют собой архивные документы и публикуются впервые.

В последние годы наблюдается некоторый всплеск исследовательского интереса к личности и творческой биографии Осипа Дымова (Федор Поляков, Венский университет; Василий Щедрин, Брандайс; Мария Михайлова, Московский госуниверситет). Без сомнения такая крупномасштабная и авторитетная публикация мемуарного и эпистолярного наследия столь яркого и до недавнего почти забытого автора вызовет неподдельный интерес у специалистов и широкой читательской аудитории.

Дов-Бер Керлер